VII

Охота в Рамбуйе

Ритуал охоты в Рамбуйе никогда не меняется. Гостей ожидали утром, без четверти девять. В зале на первом этаже дворецкие в синих фраках и красных жилетах подавали кофе с молоком. Затем гости поднимались наверх — на дверях комнат были указаны имена приглашенных, — чтобы переодеться в охотничьи костюмы, затем спускались вниз. Место сбора было на заднем дворе замка. На площадке, посыпанной гравием, нас ожидали машины, чтобы отвезти к месту охоты.

Я приехал в Рамбуйе накануне вечером, чтобы выспаться, наслаждаясь тишиной парка. Я очень люблю проводить время в этом величественном замке, стены которого увиты красным виноградом. Прежде замок был

с трех сторон окружен двором. Во времена Наполеона одно крыло было разрушено, два оставшихся образуют прямой угол, одна сторона которого заканчивается большой приземистой башней — в ней, как гласит легенда, умер король Франциск I.

Утром я приветствовал гостей. Как всегда, компания подобралась довольно пестрая — послы Италии и Югославии, два генерала пехотных войск, которые были намерены блеснуть своей меткостью, председатель Комитета ассоциаций судовладельцев, вездесущий вице-председатель Сената и еще двое заядлых охотников, участие которых в сегодняшней вылазке должно было придать ей особый интерес. Я сообщил гостям, что после охоты к нам присоединится принцесса Кардиффская.

Эта новость вызвала некоторое оживление, ведь Патриция была известна своей красотой. Господа охотники были рады увидеть ее, но не более того. Их куда больше интересовало предстоящее развлечение, ведь охота — это один из способов потешить собственное тщеславие. А я-то думал, что меня будут расспрашивать о принцессе Кардифф-

ской, и заранее подготовил несколько расплывчатых ответов.

Лесничий, занимавшийся подготовкой охоты, запланировал на утро охоту на фазанов. Для нас должны были поднять три стаи. Летели они не очень высоко — сезон только начался. Я слышал глухие шлепки, когда подстреленные птицы падали на землю, мокрую от вчерашнего дождя.

Когда подняли третью стаю, я вернулся в замок, чтобы встретить Патрицию. Прошло уже несколько недель после того, как я признался ей в своих чувствах на вилле в Антибе, но воспоминания об этом были попрежнему горячи. Благодаря ним я чувствовал себя не так одиноко.

В начале аллеи показалась большая черная машина посольства Великобритании. Миновав ворота, она проехала мимо двух небольших павильонов, расположенных сразу за ними, и остановилась у подножия лестницы, ведущей к главному входу в замок. Затянутый в синюю морскую форму помощник Патриции, ехавший на переднем сиденье, вышел и открыл перед принцессой дверцу машины.

Патриция была в синих джинсах, белой блузке и черной куртке наездника, застегнутой на все пуговицы. На шее у нее был повязан белый платок.

Я спокойно поцеловал ее на глазах у ее помощника. Это был один из тех поцелуев, о которых Монтерлан говорил, что они ни к чему не обязывают.

— Не удивляйтесь, что я так одета, господин президент, — обратилась ко мне Патриция. — Я хотела выиграть время, чтобы погулять в лесу.

— Я провожу вас наверх, — ответил я. — Ваши вещи доставят в отведенные вам комнаты.

Флере, интендант Елисейского дворца, руководил действиями лакеев, достававших багаж принцессы из машины.

— Я пойду вперед, чтобы показать вам дорогу. Здесь нетрудно заблудиться, — сказал я Патриции.

Поднявшись по широкой винтовой лестнице с истертыми ступенями, мы оказались в длинной галерее, окна которой выходили во двор, куда обычно прибывали гости. В простенках между окнами висели рога оленей, пойманных в здешних лесах.

— Здесь очень красиво, — сказала Патриция, перейдя на французский язык.

— Ваша комната — в конце галереи.

Интендант Флере, уже ожидавший нас там, распахнул двери. Явился и помощник Патриции, теперь он следовал за нами по пятам, словно на привязи.

Апартаменты принцессы начинались с небольшой приемной, куда выходило несколько дверей. За одной из них скрывалась гардеробная, куда отнесли багаж Патриции. Горничная Югетта, в сером платье с белым воротником, ожидала там указаний, чтобы распаковать чемоданы. Интендант распахнул следующую дверь. За ней была ванная комната, отделанная фаянсовой плиткой в стиле арт-деко. Еще одна дверь вела из ванной в спальню. Очевидно, это был интерьер еще времен президента Ориоля[1], но помещение просторно, ярко освещено, и я обратил внимание, что Югетта позаботилась о махровых полотенцах и мыле «Герлен». И вот мы в спальне Патриции.

— Эту комнату называют комнатой императрицы, — негромко произнес интендант

[1] Венсан Ориоль — президент Франции с 1947 по 1954 год.

Флере. — Здесь жила императрица Мария-Луиза.

Комната очень большая, два высоких французских окна выходят на широкий балкон, окруженный кованой решеткой, под которым простирается серо-голубая гладь пруда.

— Какой чудесный балкон! — воскликнула Патриция, сделав несколько шагов вперед и рассматривая это архитектурное чудо, протянувшееся вдоль фасада замка.

— Говорят, что его велел пристроить Наполеон, — объяснил я, — чтобы беспрепятственно попадать в покои императрицы.

Патриция прикусила губы, но по ее глазам я видел, что ей хотелось спросить: «А часто ли вы им пользовались, господин президент?»

Помощник принцессы, не отстававший от нас ни на шаг, спросил меня по-английски:

— Сэр, я майор Макколум. Могу я узнать, где находится моя комната?

Меня поразило высокомерие, с которым это было произнесено. Он был так туго затянут в свою форму, что, видимо, кровь не поступала к мозгу. Я даже не попытался скрыть свою неприязнь, к которой, возможно, примешивалась и ревность:

— Вы ошиблись, сударь, в выборе собеседника. Я не интендант. Обратитесь к господину Флере, он проводит вас.

Но упрямец продолжал настаивать:

— Мне необходимо знать, где моя комната. Согласно требованиям безопасности, моя комната должна находиться рядом с апартаментами принцессы.

— Внутри замка нет проблем с безопасностью. Замок охраняют снаружи. Флере, будьте любезны, покажите майору его комнату.

Они удалились. Флере повел майора Макколума в другой конец галереи, где для того была приготовлена комната с окнами, выходящими во двор. Патриция покинула балкон. Я вышел, чтобы дать ей возможность привести себя в порядок, и сказал, стоя за неплотно закрытой дверью:

— Я вынужден оставить вас на время, мне нужно вернуться к другим гостям. Лошади ждут во дворе. Старший лесничий — прекрасный наездник, он будет вас сопровождать. Хорошо бы, если бы вы вернулись к пяти часам, когда будет подан ранний ужин. Потом мы будем свободны и сможем поговорить. Во время позднего ужина мы также будем вдвоем.

— Я вернусь к пяти. До скорого, Анри.

Ее голос звучал немного гулко. Видимо, она отвечала мне из ванной комнаты.

Идя по галерее, я выглянул в окно, чтобы убедиться, что для конной прогулки Патриции все было готово. Породистые лошади гарцевали от нетерпения, перебирая тонкими ногами. Они показались мне великолепными, хотя я мало что смыслю в лошадях. Стременные только что вывели их из военного фургона, стоявшего в углу двора, и держали по две под уздцы.

Я не был уверен в качестве местных лошадей, зато отлично знал, какими дотошными на этот счет бывают англичане, поэтому распорядился привезти лошадей из Сомюра. Нам доставили четыре темно-рыжие лошади. Их оседлали, и теперь старший лесничий осматривал их.

Принцессу будут сопровождать мой помощник и, разумеется, надменный майор Макколум.

Я отошел от окна, с сожалением оторвавшись от созерцания лошадей, перебирающих ногами, и стременных, удерживающих их в тени деревьев. На мгновение мне показалось, что передо мной ожившая гравюра.